

КОЛОНКА РЕДАКТОРА EDITORIAL

Тенденции исследований в психологии семьи: от неблагополучия к жизнеспособности

Махнач А.В.

**ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук»
(ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Специальный выпуск журнала на тему «Социальная психология современной семьи» посвящен исследованиям современной семьи в контексте социально-психологического знания. В номере отражены тенденции, общее состояние и частная проблематика психологии семьи, выделен ряд фундаментальных социально-психологических проблем семьи, которые лежат в основе ее динамического развития в современном обществе, определены дальнейшие перспективы исследований в этой области.

Ключевые слова: психология семьи; жизнеспособность семьи; медицинская модель; социальная модель; тенденции исследований психологии семьи; наукометрия.

Для цитаты: Махнач А.В. Тенденции исследований в психологии семьи: от неблагополучия к жизнеспособности // Социальная психология и общество. 2024. Том 15. № 3. С. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150301>

Research Trends in Family Psychology: from Disadvantage to Resilience

Alexander V. Makhnach

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

A special issue of the journal “Social Psychology of the Modern Family” is devoted to the research of the modern family in the context of socio-psychological knowledge. The issue reflects trends, the general state and problems of family psychology, highlights a number of fundamental socio-psychological problems of the family that underlie its dynamic development in modern society, and identifies further research prospects in this area.

Keywords: family psychology; family resilience; medical model; social model; trends in family psychology research; scientometrics.

For citation: Makhnach A.V. Research Trends in Family Psychology: from Disadvantage to Resilience. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2024. Vol. 15, no. 3, pp. 5–20. DOI: [https://doi.org/10.17759/sps.2024150301_\(In Russ.\)](https://doi.org/10.17759/sps.2024150301_(In_Russ.)).

Исследования семьи актуальны были, есть и будут по простой причине — мы все родом из семьи. Она как объект анализа интересна ученым из гуманитарных и социальных наук. Семья как важнейший для человека социальный институт традиционно изучается в социальной психологии. Семью относят к малым социальным группам, поэтому каждый ее член опосредованно включен в социальные процессы изменений не только в рамках своей семьи, но и в обществе в целом. Семья вовлечена во все идущие процессы в обществе, консолидируясь с ним в соответствии со своими культурными нормами, национальным многообразием России. В этой динамике признание роли семьи как важнейшего института социализации, прежде всего для молодого поколения, в формировании и развитии ее жизнеспособности помогает создавать оптимальные условия для решения возникающих в поликультурном обществе проблем.

В Российской Федерации, по последним данным Росстата (2018), 11813143 семей [15]. Почти из 12 миллионов семей только 7,2% составляют семьи, в которых воспитываются трое и более детей, а семей с одним ребенком — большинство: 61,1%. При этом монородительских многодетных семей: с матерями — 3,1%, с отцами — 2,3%. Косвенно об изменениях в лучшую сторону в семейной политике государства свидетельствует снижение показателя «Доля детей в возрасте до 16 (18) лет, проживающих в домашних хозяйствах со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума» с 27,4% в 2015 г. до 19,1% в 2020 г.

[16]. Просматривая статистические данные, мы наблюдаем активные попытки государства влиять на социально-экономическое положение российских семей, оказывая им всемерную поддержку, направленную на увеличение рождаемости и многодетности.

Вместе с тем в научной психологии отмечается несколько иная тенденция: интерес к изучению феноменологии семьи минимален. Об этом говорится в прогнозе развития психологии к 2030 г., сделанном 50-ю экспертами. По их мнению, среди приоритетных и перспективных направлений «психология семьи» занимает весьма скромное положение: активное развитие «семейной и гендерной психологии» в ближайшие годы прогнозируют два эксперта (1% ответов), «семейные отношения» как сферу практического применения психологии выделили три эксперта (1,9%) [4, с. 54]. Подобную тенденцию отмечаем также, в частности, обратив внимание на число статей по психологическим наукам с ключевыми словами «многодетная семья», особенно в сопоставлении их с количеством в других науках (чаще всего в демографии, экономике, юриспруденции) — см. табл. 1.

По приведенным выше данным очевидно, что за десятилетие (2013–2023 гг.) в психологических науках не отмечается роста числа исследований многодетной семьи, несмотря на значительно возросший интерес государства, СМИ, общественных организаций к проблемам такой семьи. Отмечаемое катастрофически малое число исследований феноменологии многодетной семьи определяется, по нашему мнению, рядом причин, в част-

Таблица 1

Число статей по проблематике многодетных семей в разных науках с ключевыми словами «многодетная семья» за 2013–2023 гг. (по базе РИНЦ)

Год	В психологии	В социологии	В других науках
2013	1	9	16
2014	2	6	26
2015	3	11	51
2016	4	17	72
2017	4	18	88
2018	4	15	98
2019	10	34	124
2020	3	27	91
2021	6	34	101
2022	9	17	86
2023	4	21	83
Всего	50	209	836

ности: отсутствием социального заказа науке, сложностью предмета исследования, многоплановостью необходимых измерений и обязательной в этом случае междисциплинарностью исследований. И, возвращаясь к теме статьи, зададимся вопросами: осознается ли учеными необходимость более целенаправленной трансляции широкой аудитории преимуществ многодетной семьи? Нужны ли корректировка социальной политики, деятельности СМИ, социальных институтов, систематическое изучение признаков благополучия и жизнеспособности, а не так называемых «проблем» с негативной коннотацией? Попытки ответить на эти вопросы мы находим в ряде статей данного выпуска журнала.

Еще одна категория семей — замещающая (приемная) — является объектом изучения в психологии. Так же как и многодетных, исследования замещающих семей имеют определенную тенденцию. По приведенным в табл. 2 данным, в 2016–2018 гг. отмечается повышение научного интереса к феноменам замеща-

ющей семьи. Далее — заметное снижение количества публикаций, что совпадает со снижением числа сирот в стране. Вместе с тем мы не имеем права сказать, что проблематика сиротства изучена во всем ее многообразии, в необходимой полноте и по всем аспектам. В стране, по данным Минпросвещения России, по-прежнему катастрофически много сирот ($n = 41958$), при этом число россиян, желающих принять в семью на воспитание сироту, заметно меньше ($n = 36795$). Также важно отметить, что сокращается количество семей, которые, пройдя обучение в школах приемных родителей, взяли на воспитание в семью ребенка: с 2010 по 2023 гг. этот показатель снизился почти в два раза — в 2021 только 34% осуществили свой план. Приведенных цифр достаточно, чтобы согласиться с тем, что исследовательский интерес к проблематике сиротства и замещающего родительства неправомерно и необоснованно, к сожалению, снижается.

Отметим еще несколько тенденций в исследованиях психологии семьи. Опре-

**Число статей по проблематике замещающих/приемных семей за 2013–2023 гг.
(по базе РИНЦ)**

Год	Замещающая семья	Приемная семья
2013	20	32
2014	38	35
2015	57	54
2016	90	68
2017	76	124
2018	88	95
2019	73	90
2020	76	83
2021	70	70
2022	74	88
2023	78	85
Всего	740	824

деленно, научный интерес к этой области заметно трансформируется, и эту динамику в конкретный исторический период легко проследить по изменениям в названиях статей, отражающих, как правило, актуальность проблематики. Нами был проведен контент-анализ названий статей по двум временным периодам (1970–1980 и 1990–2000 гг.), по которым были отмечены отличия в основных понятиях, отражающих научный интерес к тематике психологии семьи. Если в статьях 1970–1980 гг. наиболее частотным словом является «семья», то в 1990–2000 гг. — «неблагополучная семья», в 1970–1980 гг. с понятием «семья» (48,51 ipm) [9] близкими по частности являются слова: «дети» (142,31), «брак» (22,59), «семейное воспитание» (0,1), «патриотическое воспитание» (0,1), а в 1990–2000 гг. «неблагополучная семья» (0,01) как ядерное понятие поддерживается такими словами, как: «девиантное поведение» (0,07), «социальная дезадаптация» (0,01) (см. рисунок).

Таким образом, согласно статьям 1990–2000 годов, основными выводами о состоянии института семьи в России являются следующие: низкая воспитательная функция; утрата влияния на ребенка; передача ответственности за семью другим социальным институтам; отсутствие сохранения и передачи культурных традиций от одного поколения к другому; часто самостоятельное, без помощи общества преодоление собственных проблем; вынужденность действий без внешней поддержки; склонность к чрезмерному употреблению алкоголя (наркотиков); воспитание детей часто является несистемным — от случая к случаю их проблемного поведения.

Обратим внимание на важное основание проводимых в этот временной период исследований: большинство из них осуществляются в русле медицинской модели (нарратива). В работах по психологии семьи почти без труда можно установить, в рамках какой из моделей проводится то или иное исследование: медицинской или социальной. Каждая из них является

Рис. Контент-анализ массива слов из названий статей в исследованиях по психологии семьи в 1970—1980 гг. (слева), словарная база $n = 171$; в 1990—2000 гг. (справа), словарная база $n = 122$ (по статьям, индексированным в РИНЦ): наполнение Word-cloud с 3-м пороговым значением по программе Atlas.ti (версия 9.5.6). В облаке с 3-м пороговым значением отображены слова, которые имеют частоту 3 и выше (количество вхождений слова в лексическую базу)

методологической и мировоззренческой основой исследований, и ученые в своей работе не всегда отдает себе отчет о своей приверженности той или иной модели. В феноменологии психологии семьи окружающая ее среда и сама семья изучаются и описываются «синдромами» и «симптомами» неблагополучия. К сожалению, до настоящего времени сборники статей с типичными названиями «Актуальные вопросы/направления...», «Эффективные практики...» по-прежнему наполнены статьями преимущественно о неблагополучной семье.

Р. Лэнг описал применение медицинской модели в книге «Политика семьи и другие эссе» [23], одной из первых написанных в русле движения антипсихиатрии. В ней он представил идею социального конструирования и разработки основ новой психиатрии в приложении к проблемам семьи с психически больным членом. Его работа на многие десятилетия стала методической основой для практиков, определяющей выбор процедур, методик в обучении врачей, а для ученых — психологической установкой или нарративом в проводимых ими исследованиях. «Медицинская модель представляет собой подход к индивиду, семье в целом (к физическому страда-

нию, психическому заболеванию, социальному неблагополучию), описывает процессы в человеке (семье, обществе) как симптомы и синдромы, как необходимое лечение тела индивида (семьи в целом, общества). Посредством исследований, литературы, СМИ, доминирующих в обществе патерналистских установок эта модель усиливает и интернализирует негативное самовосприятие индивида, семьи и не способствует их развитию» [7, с. 67—68]. Очевидно, что во многих исследованиях медицинская модель сосуществует с социальной, и специалисты и ученые работают в междисциплинарном поле их научных и практических интересов. Но постоянная критика медицинской модели в медицинских и социальных науках указывает на сохранение противоречий между двумя моделями, что является результатом фундаментальных и вместе с тем — ценностных разногласий в научной среде [21; 22].

Отметим тенденцию: в полном соответствии с профессиональной установкой семья в медицинской модели исследований анализируется как: асоциальная, виктимогенная, девиантная, деструктивная, дисфункциональная, конфликтная, кризисная, маргинальная, неблагополучная, неполноценная, неуспешная,

нарциссическая, проблемная, социально опасная, социально дезадаптированная, в кризисном состоянии, в социально опасном положении и т.п. Общеизвестно, что при лечении соматических и психических болезней врачи традиционно делают акцент на соматическом лечении, недооценивая важность психологических, семейных и социальных проблем пациента. В исследовании подчеркивается, что внимание к психосоциальным потребностям не только отдельных пациентов, но и их семей имеет решающее значение для эффективности оказываемой помощи [30]. Семейные терапевты все чаще отходят от медицинской модели и ее фокуса на лечении физиологических симптомов пациентов [28].

Благодаря такому ракурсу изучения акцент в исследовании делается на том, как и почему семья воспроизводит так называемый «круг неблагополучия», повторяя из поколения в поколение характерное поведение между членами семьи, нормы и правила неблагополучного социального взаимодействия. И этот ракурс исследований дает много важной информации для понимания механизмов формирования неблагополучия, но не раскрывает те механизмы, навыки, привычки и т.п., которые позволяют семье сохраняться, воспитывать детей, а родителям — выполнять свои обязанности. Уникальность этих феноменов привлекла в психологию семьи ученых, для которых стало важнее не изучение причин неблагополучия, а тех ее характеристик, которые дают возможность семье оставаться семьей. И анализ этой феноменологии стал проводиться в русле социальной модели в изучении психологии семьи.

Фундаментальным понятием социальной модели (модели здоровья), появившейся как ответ на сегрегацию людей с особыми нуждами, является ра-

венство всех: людей с особыми нуждами и обычных людей. В. О'Лири писал: «Психологи недавно пришли к мысли о необходимости отказа от исследований в рамках моделей уязвимости/дефицита человека и сосредоточились на изучении моделей позитивных приобретений человека, вышедшего из сложной жизненной ситуации с важным для его дальнейшего развития опытом» [26, с. 426]. Теоретические предпосылки такого нарратива «связаны с эпохой постмодернизма, с активным проникновением околонучных, эзотерических, метафизических учений и понятий, а также с их использованием учеными при работе с глубинными человеческими проблемами. Об этой тенденции говорят возросшие частоты использования терминов: спиритуальный, духовность, трансцендентный, счастье» [12, с. 103]. В работах, базирующихся на социальной модели, в психологии семьи среди пристатейных ключевых слов появляются понятия: надежда, счастье, потенциал, ресурсы, жизнестойкость, жизнеспособность. Отношения внутри семьи складываются из: широкого круга социальных контактов; понимания ее сильных сторон; умения членов семьи использовать механизмы преодоления; понимания смысла жизни, убеждений и установок, субъект-субъектного взаимодействия. Субъект-субъектные отношения внутри семьи и с окружающей социальной средой усиливают желание жить полноценной жизнью, что можно сравнить с определением жизнеспособности: «хорошо жить, хорошо работать, хорошо любить, ожидать хорошего» [20, с. 73].

В 2003 году мы предложили и обосновали перевод для англоязычного термина «resilience» как «жизнеспособность». За двадцать лет понятие «жизнеспособность человека» стало в российской

психологической науке общепринятым. Хотя еще недавно исследователи изучали только отдельные аспекты жизнеспособности, преимущественно в психологии развития. Переход к признанию жизнеспособности человека как динамической характеристики, развивающейся в социальном контексте индивидуального развития, окончательно произошел в конце 20 столетия [19; 24].

Изучение компонентов и характеристик жизнеспособности человека закономерно привело к появлению нового концепта «жизнеспособность семьи», но рост числа работ в зарубежной психологии с начала 2000-х гг. по изучению этого феномена не спровоцировал в России заметного интереса психологов к исследованию этого понятия в рамках социальной модели. Однако в настоящее время в работах по психологии семьи все же происходит формирование множества понятий, сопровождающееся появлением позитивных определений семьи: дружная, крепкая, благополучная и др. В понятийном поле, описывающем психологические особенности семьи, научный словарь еще не оформился, и он создается. Поэтому эти определения взаимодействуют из бытового языка, что и отражает актуальное состояние науки о психологии семьи. С началом разработки концепта «жизнеспособность человека» особое внимание в исследованиях к «неблагополучию» не исчезло полностью, но интерес ученых сместился на подростка (молодого человека), проявляющего свою жизнеспособность, несмотря на сложный или неблагоприятный семейный контекст.

В психологии семьи также на смену парадигме, основанной на семейной патологии, приходит другая, в которой делается акцент на компетентности и сильных сторонах семьи, ее ресурсах

[29]. Этот переход также связан с социальной моделью, и теперь жизнеспособность семьи — это не семейная система с нарушениями, а система, находящаяся под воздействием стрессов, способных оказать на нее существенное негативное влияние. В таком случае семья не является ни здоровой, ни дисфункциональной, она просто адаптируется к внутренним и внешним стрессорам. Произошел переход от предопределенности структурного развития вследствие какого-то неблагоприятного исхода семьи к процессам успешного совладания с негативными внешними и внутренними влияниями внутри семьи и вокруг нее.

Такая тенденция в исследованиях обозначила отход от структурного взгляда на семью с описанием причинно-следственных связей между семьей и негативными событиями, явлениями, предопределяющими дефицит и/или минимизацию воздействий стрессов. И это стало заметным явлением в психологии, обратившейся к изучению ресурсов семьи. Структуры семьи, которые раньше признавались дефицитарными, стали рассматриваться как способные формировать и поддерживать здоровый паттерн взаимодействия в семье. Такие семьи могут быть нацелены на поддержку здорового развития как самой семьи, так и каждого ее члена.

В изучении жизнеспособности социально-психологические (личность) и социальные (семья) объекты анализа стали рассматриваться как субъекты: самоорганизующиеся и воспроизводящие себя в качестве инварианта в условиях обмена с окружающей средой и информацией; способные к саморазвитию. В связи с такими представлениями о научной парадигме жизнеспособность семьи относим к эпистемологическим терминам, при этом обратим внимание на законо-

мерность появления нового для отечественной психологии понятия. «Сложность и разнообразие терминов привели к поиску новых стратегий исследований, где переплетение различных сфер жизни сопровождается пронизаемостью дисциплинарных границ» [3].

Понятие «жизнеспособность семьи» появилось в работах российских авторов немного позже зарубежных [5; 8; 10]. Введение в научный оборот отечественной психологии этого понятия считаем знаковым явлением. Основываясь на социальной модели в рамках позитивной психологии, исследователи отмечают, что жизнеспособность может стать системообразующим фактором и одновременно процессуальной характеристикой функционирования и адаптации семьи как системы, позволяя ей адаптироваться к трудным жизненным ситуациям с выходом на следующий уровень развития.

Исторические корни изучения жизнеспособности семьи в постоянной эволюции и трансформации методологических исследовательских парадигм и теорий позволили рассматривать этот феномен в самом широком контексте. Прежде всего, важным элементом в большинстве работ по жизнеспособности семьи стало выделение роли культуры в анализе жизни человека в русле антропологического поворота К. Ранера [13] как способа переосмысления, обновления в гуманитарных и социальных науках. Детальный анализ экологических аспектов жизнедеятельности человека и его семьи позволяет исследователям выделить значимость культуры в оценках изучаемого понятия [27]. В работах по анализу феноменов жизнеспособности семьи также должен учитываться тот факт, что различия в культурном контексте могут провоцировать разные факторы стресса, приводящие к неблагоприятию семьи,

но вместе с тем семья может обращаться к специфическим для ее культуры факторам защиты [18]. Поэтому во многих работах семья рассматривается как одновременно и универсальный, и культурно специфичный фактор жизнеспособности. Вклад этнической, национальной культуры является «источником стабильности и поддержки, способом борьбы с проблемами повседневной жизни» [25, с. 32].

Ответим на вопрос: почему именно в настоящее время стали возможными исследования жизнеспособности семьи? Этому способствовало появление в социальных и гуманитарных науках новых категорий, являющихся ключевыми в системных описаниях сложных социальных феноменов — согласно теоретикам науки Л. фон Бергаланфи [1], А.А. Богданову [2], В.С. Стёпину [14] и др. Новые теоретические изыскания и эмпирические данные об адаптации, совладании с трудными жизненными ситуациями раскрывают разнообразие индивидуальных и семейных ресурсов человека в неблагоприятных условиях жизнедеятельности. Из-за появления большего интереса у исследователей разных специальностей к семье анализ взаимосвязей между различными сферами, оказывающими на нее влияние, сопровождается расширением междисциплинарных границ исследований. Это, в свою очередь, расширяет число ученых из смежных отраслей знания и увеличивает массивы эмпирических данных. Появление метааналитических работ также дает более широкое вхождение новых методологий в исследовательское поле психологии семьи, расширяя изучение ее проблематики с разных ракурсов и в различных контекстах.

При всем внимании российских исследователей к жизнеспособности семьи отмечаем невысокий интерес к анализу

феноменов и разработке научных концепций жизнеспособности семьи. В итоге число работ по жизнеспособности семьи в отечественной психологии незначительно (см. табл. 3), в то же время в зарубежной психологии наблюдается заметный рост публикаций: почти в четыре раза с 2017 по 2021 гг.

Среди причин таких различий по числу проведенных исследований российскими и зарубежными психологами отметим следующие:

- большинство методов диагностики семьи созданы в 20 в. при адаптации зарубежных методик, часто не всегда проведена полноценная процедура психометрической работы с методикой;

- сбор эмпирических данных затруднен из-за разнообразия предметов исследования и вероятностного влияния множества внутренних и внешних переменных на семью;

- сложность разработки дизайна эмпирического исследования;

- вероятностная изменчивость переменных вследствие влияния внешних и внутренних факторов;

- редко используются качественные и смешанные методы сбора и анализа эмпирических данных;

- разнообразие и постоянная трансформация форм семей;

- число субъектов в семье может сильно изменяться во времени, что усложняет проведение лонгитюдов.

На наш взгляд, критерием жизнеспособности семьи является социальное благополучие в условиях неопределенности. Таким образом, изучение положительных характеристик, социального окружения, в частности, потенциала семьи, позволяет нам охватить ее разнообразие. При этом операционализация понятия «жизнеспособность семьи» может происходить в периоды устойчивой траектории ее здорового функционирования на протяжении длительного времени.

Интересна динамика количества исследований жизнеспособности в журналах, индексируемых в Web of Science. Цифры отражают «освоение» концепта «жизнеспособность» в психологии и педагогике — упоминание термина «жизнеспособность» в названии статьи/ключевых словах за почти 30 лет возросло в 120 раз: в 1993 г. — 60 статей, в 2013 г. — около 800, в 2020 г. — около 5600, 2022 г. — около 7200.

В России в журнале «Институт психологии Российской академии наук. Ор-

Таблица 3

Количество статей российских и зарубежных исследователей по жизнеспособности семьи в психологии и других науках, индексируемых в Mendeley

Год	Жизнеспособность семьи в статьях по психологии		Жизнеспособность семьи в статьях по другим наукам	
	В мире	В России	В мире	В России
2017	1411	4	16696	198
2018	2202	6	21312	180
2019	2240	6	22068	169
2020	3154	1	28770	199
2021	4274	8	33327	221

ганизационная психология и психология труда» в разделе «Проблемы адаптации, жизнеспособности и развития человека» постоянно публикуются статьи, посвященные изучению этой тематики в контексте социальной, возрастной и психологии труда [6].

В зарубежной психологии ситуация значительно лучше с публикациями результатов исследований в специализирующихся на тематике жизнеспособности журналах, прежде всего в социальных и гуманитарных науках. Их несколько и все они издаются в известных издательствах: «Adversity and Resilience Science», «Anthropocene Science. An International Journal for Addressing Human Impact on the Resilience of the Planet Earth» (Springer); «Resilience: International Policies, Practices and Discourses» (Taylor & Francis); «Climate Resilience and Sustainability» (Wiley); «Journal of Infrastructure Intelligence and Resilience и Resilient Cities and Structures» (Elsevier).

Современные исследования жизнеспособности семьи в России осуществляются в нескольких направлениях: изучаются семьи с детьми с особыми потребностями, старшим поколением семьи; семьи военнослужащих, мигрантов, замещающие семьи. Наиболее важными для расширения предметного поля исследований жизнеспособности семьи являются работы, в которых этот феномен анализируется как системное образование.

Кратко опишем содержание тематического выпуска журнала. В нем направление изучения жизнеспособности семей с детьми с особыми потребностями представлено статьей *С.В. Котовской, Н.Л. Захаровой и Л.Ю. Беленковой*, в которой обсуждена роль семейных взаимосвязей в формировании жизнеспособности и благополучия студента с инвалидностью и/или ограниченными возможностями

здоровья в зависимости от степени поддержки семьи и наличия тесных семейных связей. Результаты проведенного исследования особенно ценны для семей с больным ребенком и отражают современные тенденции в изучении особенностей семьи с ребенком с особыми потребностями в зарубежной психологии [11]. Таким семьям необходимо преодолевать сложившуюся ситуацию с привлечением психологических ресурсов семьи, опираясь на ее жизнеспособность [17].

В статье *С.Д. Гуриевой, Е.А. Юмкиной, Е.А. Васиной, И.В. Кузнецовой* в рамках сложного, но интересного дизайна эмпирического исследования был проведен социально-психологический анализ ценностных ориентаций в трех подсистемах современной семьи (супружеской, родительско-детской, сиблинговой). Авторы показали, что в семейных парах отражаются представления о разделении супружеских ролей: мужчины больше ценят независимость и самоутверждение, а женщины — межличностные отношения. Различия у молодежи и респондентов с сиблингами — актуальные (ответы за себя) и рефлексивные (молодежь отвечала за маму, а респонденты за своего сиблинга) — свидетельствуют об избирательной межпоколенной ответственности ценностных ориентаций в семье. При этом при сравнении данных по трем поколениям обнаружилось, что диады матерей и дочерей ближе друг к другу по ценностным профилям, чем бабушек и внуков; более всего схожи друг с другом диады женщин старшего и среднего поколений.

Статья *А.Ю. Винниковой и И.Ю. Обидина* представляет новый аспект в изучении домашнего насилия: индивидуально-психологические особенности и социально-демографические характеристики сторонних наблюдателей, ко-

торые выбирают различные стратегии обвинения одной из сторон в ситуации насилия. Большая вероятность обвинения жертвы, по мнению авторов, связана с большей верой в справедливость мира, большей уверенностью стороннего наблюдателя в том, что регулятором достижений и успехов является он сам. В работе представлены и обсуждены различия по социально-психологическим характеристикам сторонних наблюдателей, имеющих профессиональный, волонтерский или учебный опыт взаимодействия с жертвой насилия, а также респондентов, проживающих в мегаполисах. Авторами делается вывод о необходимости использования полученных данных при планировании и разработке программ профилактики обвинения жертв насилия.

В четырех статьях этого выпуска представлены результаты изучения кросс-культурного контекста в психологии семьи. В статье *Т.Н. Тихомировой и С.Б. Малых* оценивались восприятие родительского отношения и общая академическая успеваемость старшеклассников в двух выборках — российской и кыргызской. В исследовании отмечено, что в старшем школьном возрасте восприятие родительского отношения имеет культурно-специфичную обусловленность, наиболее ярко выраженную при восприятии эмоционального принятия матерью и гиперопекающего отношения отца. В статье *М.А. Одинцовой, Н.П. Радчиковой, Е.Г. Мусохрановой и Н.В. Азарёнок* описаны культурные отличия во влиянии семейного перфекционизма и элиминирования эмоций на жизнеспособность семей взрослых в контексте белорусской и русской культуры. В исследовании показано, что критичная атмосфера в родительских семьях, высокая интенсивность неблагоприятного события в семьях взрослых белорусов,

сверхвключенность в родительских семьях россиян способствуют снижению жизнеспособности семей. Также в статье *А.В. Махнач, Н.М. Сараевой, С.Б. Дагбаевой, А.И. Лактионовой и А.А. Суханова* приведены данные о восприятии семьи как ресурса жизнеспособности русской и бурятской молодежи. Представления о семье как ресурсе жизнеспособности у русской и бурятской молодежи имеют этнокультурные особенности. Они определяются принадлежностью бурят к более коллективистской культуре и более индивидуалистической культуре — русских. Русская молодежь воспринимает семью как ресурс жизнеспособности, направленный на укрепление у них возможности самостоятельно справляться с трудностями и формирование «Я»-идентичности. У бурятской молодежи семья как ресурс жизнеспособности укрепляет у них позицию «мы», способствующую развитию «Мы»-идентичности. Об особенностях отношения к браку студентов в индийской культуре говорится в статье *А. Сиддайя и М.Б. Ашраф*. Авторами представлены результаты исследования гендерных различий в отношении к браку и их связь с воспринимаемыми стилями родительского воспитания у студентов г. Бангалора (Индия). Было отмечено, что, с одной стороны, в семьях с авторитарным стилем воспитания у студентов может формироваться положительное отношение к браку (строгие традиции, религиозные правила и др.), с другой — студенты, негативно относящиеся к браку, часто тоже из семей с авторитарным стилем воспитания. Наиболее интересный вывод состоит в том, что необходимо доносить до родителей информацию о негативном влиянии авторитарного стиля воспитания на отношение к браку и последующую семейную жизнь молодых людей.

Эмпирические исследования опираются на разработанные оригинальные авторские или адаптированные на русском языке методики иностранных авторов. В выпуске две статьи посвящены методикам психологического обследования семьи. *А.А. Бочавер, Д.Р. Ахмеджанова, Р.М. Байрамян и К.Н. Поливанова* представили адаптированную на русскоязычной выборке матерей школьников методику «Шкала родительского стресса». Показано, что шкала демонстрирует хорошие психометрические показатели и может использоваться для исследований родительства. *А.Ю. Борисова, С.К. Нартова-Бочавер* представили краткую версию теста «Шкала аутентичности в отношениях» с результатами психометрической проверки в российской культуре. Шкала оказалась применима только к контексту романтических отношений, для других контекстов модель, лежащая в основе создания шкалы, не подтвердилась.

Среди практико-ориентированных работ представим исследование *М.С. Бриля, Ю.С. Бекренёвой и И.С. Осипенко* о применении социально ориентированной технологии работы с населением — медиации в разрешении межличностных и внутрисемейных конфликтов. Авторы приходят к выводу, что необходимы увеличение числа встреч по каждому случаю, профилактика профессионального выгорания медиаторов и информирование населения о данной технологии. Завершить наш обзор публикуемых статей хотелось теоретической работой *Н.К. Радиной*, открывающей

специальный выпуск. В ней автор проблематизирует теоретическое поле гендерных исследований и понятие «гендер» с определением теоретических подходов отечественных психологов к гендерной социальной психологии. В качестве релевантных современным проблемам она называет культурно-историческую теорию Л.С. Выготского, субъектно-деятельностный подход С.Л. Рубинштейна, теорию отношений В.Н. Мясищева.

Редакция журнала и авторы исследований, представленных в выпуске «Социальная психология современной семьи», выражают уверенность в том, что изучение феноменологии семьи в рамках социальной психологии и ряда ее направлений будет продолжено не только авторами выпуска, но и заинтересованными учеными и практиками. Тема психологии семьи настолько обширна и, к сожалению, изучена крайне фрагментарно, поэтому еще так много направлений в социальной психологии, которые ждут своего исследователя. К примеру, тема жизнеспособности семьи уже привлекла многих исследователей, однако позитивному дискурсу психологии семьи еще нелегко прокладывать себе дорогу. Социальная модель в изучении семьи подчеркивает ресурсность семьи, умение каждого члена семьи обратиться к своим сильным сторонам и в своем окружении — с использованием всех существующих ресурсов. Надеемся, что выпуск будет полезным для специалистов — психологов, психотерапевтов, педагогов, социологов и педагогов.

Литература

1. *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем — критический обзор // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
2. *Богданов А.А.* Тектология: Всеобщая организационная наука. Т. 1. М.: Экономика, 1989. 304 с.

3. *Гусельцева М.С.* Принцип развития в психологии: вызовы полипарадигмальности и трансдисциплинарности // Принцип развития в современной психологии / Отв. ред.: А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 31–51.
4. *Журавлев А.Л., Нестик Т.А., Юревич А.В.* Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 году // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 45–64.
5. *Курфтяк Е.В.* Совладающее поведение супругов в контексте устойчивости семьи // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 1(78). С. 154–164.
6. *Лактионова А.И.* Проблематика жизнеспособности в публикациях журнала «Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда»: профессиональные, социальные и индивидуальные аспекты // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2019. Т. 4. № 4. С. 4–29.
7. *Махнач А.В.* Модель позитивной социализации человека через призму его жизнеспособности // У истоков развития. Сборник научных статей / Ред.: Л.Ф. Обухова, И.А. Когляр (Корепанова). М.: МГППУ, 2013. С. 67–81.
8. *Махнач А.В., Постылякова Ю.В.* Жизнеспособность семьи: психологические ресурсы как защитный фактор семьи // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 529–550.
9. Национальный корпус русского языка. URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 10.09.2024).
10. *Нестерова А.А.* Жизнеспособность родителей, воспитывающих ребенка с аутизмом // Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2. / Под ред. А.В. Махнача, К.Б. Зуева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 265–273.
11. *Одинцова М.А., Гусарова Е.С., Аймонтас Б.Б.* Жизнеспособность семьи в стрессогенных ситуациях инвалидности в зарубежных исследованиях // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 1. С. 29–38. DOI:10.17759/jmfp.2020090109
12. *Потёмкин С.Б., Хасин Л.А., Хасина П.Л., Щедрина Е.В.* Анализ тенденций развития психологии на основе выявления динамики частоты использования психологических терминов // Вопросы психологии. 2015. № 6. С. 95–103.
13. *Ранер К.* Введение в христианское богословие. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2006. 633 с.
14. *Стёпин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5–17.
15. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/7-18.xlsx> (дата обращения: 12.05.2024).
16. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SMD_1.3.xlsx (дата обращения: 12.05.2024).
17. *Щелокова Е.Г.* Сравнительный анализ достижений в речевом развитии детей раннего возраста с типом отношения к родительству у их матерей // Аняневские чтения – 2021. Матлы междунар. науч. конф. / Под ред. А.В. Шаболтас. СПб., 2021. С. 402–403.
18. *Blessin M., Lehmann S., Kunzler A.M., van Dick R., Lieb K.* Resilience interventions conducted in Western and Eastern countries – a systematic review // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19(11). Art. 6913. DOI:10.3390/IJERPH19116913
19. *DeHaan L.G., Hawley D.R., Deal J.E.* Operationalizing family resilience: a methodological strategy // The American Journal of Family Therapy. 2002. Vol. 30. P. 275–291. DOI:10.1080/01926180290033439
20. *Garmezy N.* Stressors of childhood // Stress, Coping, and Development in Children / N. Garmezy, M. Rutter (Eds.). New York: McGraw-Hill, 1983. P. 43–84.
21. *Hazell C.M., Fixsen A., Berry C.* Is it time to change the approach of mental health stigma campaigns? An experimental investigation of the effect of campaign wording on stigma and

- help-seeking intentions // PLoS One. 2022. Vol. 17(8). e0273254. DOI:10.1371/journal.pone.0273254
22. Huda A.S. The medical model and its application in mental health // International Review of Psychiatry. 2021. Vol. 33(5). P. 463–470. DOI:10.1080/09540261.2020.1845125
23. Laing R.D. The politics of the family and other essays. L.: Tavistock Publ., 1971. 144 p.
24. Luthar S.S., Cicchetti D. The construct of resilience: Implications for interventions and social policies // Development and Psychopathology. 2000. Vol. 12(4). P. 857–885. DOI:10.1017/s0954579400004156
25. McCubbin L.D., McCubbin H.I. Culture and ethnic identity in family resilience: Dynamic processes in trauma and transformation of Indigenous people // Handbook for Working with Children and Youth. Pathways to Resilience Across Cultures and Contexts / M. Ungar (Ed.). Thousand Oaks: Sage Publications, 2005. P. 27–44. DOI:10.4135/9781412976312
26. O'Leary V. Strength in the face of adversity: individual and social thriving // Journal of Social Issues. 1998. Vol. 54(2). P. 425–446. DOI:10.1111/j.1540-4560.1998.tb01228.x
27. Panter Brick C. Energizing partnerships in research to policy projects // American Anthropologist. 2022. Vol. 124(4). P. 751–766. DOI:10.1111/AMAN.13776
28. Signs T.L., Woods S.B. Linking family and intimate partner relationships to chronic pain: an application of the biobehavioral family model // Families, Systems, & Health. 2020. Vol. 38. P. 38–50. DOI:10.1037/fsh0000459
29. Walsh F. The concept of family resilience: crisis and challenge // Family Process. 1996. Vol. 35(3). P. 261–281. DOI:10.1111/j.1545-5300.1996.00261.x
30. Wood B.L., Woods S.B., Sengupta S., Nair T. The Biobehavioral Family Model: An evidence-based approach to biopsychosocial research, residency training, and patient care // Frontiers in Psychiatry. 2021. Vol. 12. Art. 725045. DOI:10.3389/fpsy.2021.725045

References

1. Bertalanffy L. von. Obschaya teoriya sistem – kriticheskiy obzor [General Systems Theory – a Critical Review]. In V.N. Sadovsky, E.G. Yudin (Eds.). *Issledovaniya po obshchey teorii sistem: Sbornik perevodov [Studies in General Systems Theory: A Collection of Translations]*. Moscow: Progress, 1969, pp. 23–82. (In Russ.).
2. Bogdanov A.A. Tektologiya: Vseobshchaya Organizatsionnaya Nauka [Tectology: General Organizational Science]. Vol. 1. Moscow: Ekonomika, 1989. 304 p. (In Russ.).
3. Gusel'tseva M.S. Printsip razvitiya v psikhologii: vyzovy poliparadigmal'nosti i transdistsiplinarnosti [The principle of development in psychology: challenges of polyparadigmality and transdisciplinarity]. In A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko (Eds.). *Printsip razvitiya v sovremennoy psikhologii [The principle of development in modern psychology]*. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2016, pp. 31–51. (In Russ.).
4. Zhuravlev A.L., Nestik T.A., Yurevich A.V. Prognoz razvitiya psikhologicheskoy nauki i praktiki k 2030 godu [Forecast of the development of psychological science and practice by 2030]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 2016. Vol. 37, no. 5, pp. 45–64. (In Russ.).
5. Kuftyak E.V. Sovladayushcheye povedeniye suprugov v kontekste ustoychivosti sem'i [Coping behavior of spouses in the context of family stability]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda = Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation*, 2015, no. 1(78), pp. 154–164. (In Russ.).
6. Laktionova A.I. Problematika zhiznesposobnosti v publikatsiyah zhurnala «Institut psikhologii rossijskoj akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda»: professional'nye, social'nye i individual'nye aspekty [The issue of resilience in the publications of the journal Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology: Professional, Social, and Individual Aspects]. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda = Institute of Psychology of the Russian*

- Academy of Sciences. Organizational psychology and psychology of work*, 2019. Vol. 4(4), pp. 4–29. (In Russ.).
7. Makhnach A.V. Model' pozitivnoy sotsializatsii cheloveka cherez prizmu yego zhiznesposobnosti [Model of positive socialization of a person through the prism of his resilience]. In L.F. Obukhova, I.A. Kotlyar (Korepanova) (Eds.). *U istokov razvitiya. Sbornik nauchnykh statey* [At the origins of development. Collection of scientific articles]. Moscow: Moscow State University of Psychology and Education, 2013, pp. 67–81. (In Russ.).
 8. Makhnach A.V., Postilyakova Yu.V. Zhiznesposobnost' sem'i: psikhologicheskiye resursy kak zashchitnyy faktor sem'i [Family resilience: psychological resources as a protective factor of the family]. In A.L. Zhuravlev, E.A. Sergienko (Eds.). *Psikhologicheskiye problemy sovremennoy rossiyского obshchestva* [Psychological problems of modern Russian society]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2012, pp. 529–550. (In Russ.).
 9. Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Elektronnyi resurs] [National Corpus of the Russian Language]. URL: ruscorpora.ru (Accessed 10.09.2024). (In Russ.).
 10. Nesterova A.A. Zhiznesposobnost' roditel'ey, vospityvayushchikh rebenka s autizmom [Resilience of parents raising a child with autism]. In A.V. Makhnach, K.B. Zuev (Eds.). *Sem'ya, brak i roditel'stvo v sovremennoy Rossii. Vyp. 2* [Family, marriage and parenting in modern Russia. Issue 2]. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., 2015, pp. 265–273. (In Russ.).
 11. Odintsova M.A., Gusarova E.S., Aismontas B.B. Zhiznesposobnost' sem'i v stressogennykh situatsiyakh invalidnosti v zarubezhnykh issledovaniyakh [Resilience of the family in stressful situations of disability in foreign studies]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Modern Foreign Psychology*, 2020. Vol. 9, no. 1, pp. 29–38. DOI:10.17759/jmfp.2020090109 (In Russ.).
 12. Potemkin S.B., Khasin L.A., Khasina P.L., Shchedrina E.V. Analiz tendentsiy razvitiya psikhologii na osnove vyyavleniya dinamiki chastoty ispol'zovaniya psikhologicheskikh terminov [Analysis of trends in the development of psychology based on identifying the dynamics of the frequency of use of psychological terms]. *Voprosy psikhologii = Questions of Psychology*, 2015, no. 6, pp. 95–103. (In Russ.).
 13. Rahner K. Vvedeniye v khristianskoye bogosloviye. [Introduction to Christian Theology]. Moscow: Bibleysko-bogoslovskiy in-t sv. apostola Andrey, 2006. 633 p. (In Russ.).
 14. Stepin V.S. Samorazvivayushchiyesya sistemy i postneklassicheskaya ratsional'nost' [Self-developing systems and post-nonclassical rationality]. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, 2003, no. 8, pp. 5–17. (In Russ.).
 15. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Elektronnyi resurs] [Federal State Statistics Service]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/7-18.xlsx> (Accessed 12.05.2024). (In Russ.).
 16. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Elektronnyi resurs] [Federal State Statistics Service]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/SMD_1.3.xlsx (Accessed 12.05.2024). (In Russ.).
 17. Shchelokova E.G. Sravnitel'nyy analiz dostizheniy v rechevom razvitii detey rannego vozrasta s tipom otnosheniya k roditel'stvu u ikh mater'ey [Comparative analysis of achievements in the speech development of young children with the type of attitude towards parenting in their mothers]. In A.V. Shaboltas (Eds.). *Anan'yevskiy chteniya – 2021. Mat-ly mezhdunar. nauch. konf.* [Ananievskie readings – 2021. Proc. internal scientific conf.]. Sankt-Petersburg: 2021, pp. 402–403. (In Russ.).
 18. Blessin M., Lehmann S., Kunzler A.M., van Dick R., Lieb K. Resilience interventions conducted in Western and Eastern countries – a systematic review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2022. Vol. 19(11). Art. 6913. DOI:10.3390/IJERPH19116913
 19. DeHaan L.G., Hawley D.R., Deal J.E. Operationalizing family resilience: a methodological strategy. *The American Journal of Family Therapy*, 2002. Vol. 30, pp. 275–291. DOI:10.1080/01926180290033439
 20. Garmezy N. Stressors of childhood. *Stress, Coping, and Development in Children*. In: N. Garmezy, M. Rutter (Eds.). New York: McGraw-Hill, 1983, pp. 43–84.

21. Hazell C.M., Fixsen A., Berry C. Is it time to change the approach of mental health stigma campaigns? An experimental investigation of the effect of campaign wording on stigma and help-seeking intentions. *PLoS One*, 2022. Vol. 17(8), e0273254. DOI:10.1371/journal.pone.0273254
22. Huda A.S. The medical model and its application in mental health. *International Review of Psychiatry*, 2021. Vol. 33(5), pp. 463–470. DOI:10.1080/09540261.2020.1845125
23. Laing R.D. The politics of the family and other essays. L.: Tavistock Publ., 1971. 144 p.
24. Luthar S.S., Cicchetti D. The construct of resilience: Implications for interventions and social policies. *Development and Psychopathology*, 2000. Vol. 12(4), pp. 857–885. DOI:10.1017/s0954579400004156
25. McCubbin L.D., McCubbin H.I. Culture and ethnic identity in family resilience: Dynamic processes in trauma and transformation of Indigenous people. *Handbook for Working with Children and Youth. Pathways to Resilience Across Cultures and Contexts*. In: M. Ungar (Ed.). Thousand Oaks: Sage Publications, 2005, pp. 27–44. DOI:10.4135/9781412976312
26. O’Leary V. Strength in the face of adversity: individual and social thriving. *Journal of Social Issues*, 1998. Vol. 54(2), pp. 425–446. DOI:10.1111/j.1540-4560.1998.tb01228.x
27. Panter Brick C. Energizing partnerships in research to policy projects. *American Anthropologist*, 2022. Vol. 124(4), pp. 751–766. DOI:10.1111/AMAN.13776
28. Signs T.L., Woods S.B. Linking family and intimate partner relationships to chronic pain: an application of the biobehavioral family model. *Families, Systems, & Health*, 2020. Vol. 38, pp. 38–50. DOI:10.1037/fsh0000459
29. Walsh F. The concept of family resilience: crisis and challenge. *Family Process*, 1996. Vol. 35(3), pp. 261–281. DOI:10.1111/j.1545-5300.1996.00261.x
30. Wood B.L., Woods S.B., Sengupta S., Nair T. The Biobehavioral Family Model: An evidence-based approach to biopsychosocial research, residency training, and patient care. *Frontiers in Psychiatry*, 2021. Vol. 12. Art. 725045. DOI:10.3389/fpsy.2021.725045

Информация об авторах

Махнач Александр Валентинович, доктор психологических наук, заместитель директора по научной работе, ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук» (ФГБУН «ИП РАН»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Information about the authors

Alexander V. Makhnach, Doctor of Psychology, Deputy Director for Science, Institute of Psychology of RAS, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2231-1788>, e-mail: makhnach@ipran.ru

Получена 23.09.2024

Received 23.09.2024

Принята в печать 26.09.2024

Accepted 26.09.2024